

Иван Андрущук

Пожирающий разом

*Часть сборника
Опоздавшие навсегда (сборник)*

Иван Кузьмич Андрощук Пожирающий разом

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6649750

Аннотация

У литературного работника, подрядившегося на незначительных рецензиях, возникла большая проблема: рукопись, присланная в редакцию, наглядно продемонстрировала, что реальность вовсе не такая, какой должна казаться людям.

Иван Андросчук

Пожирающий разом

– Есть работа, Витёк, – Леокадия улыбнулась так очаровательно, что у Виталия Петрова, литконсультанта ежемесячника «Роман-газета для домохозяек», заныли зубы. И не случайно: толщина папки, которую заведомо извлекла затем из своего стола и протянула Виталию, не оставляла надежд. Обложку украшали каллиграфические литеры:

«Юген Миньярес.
Как оно было».

– Читала? – обречённо вздохнул Петров.

– Да ты что?

– А почему – мне? Разве это фантастика?

– Посмотри оглавление.

Виталий посмотрел. Оглавление занимало четыре страницы через два интервала. «Гибель Атлантиды», «Летающие тарелки», «Тайна озера Лох-Несс», «Йети, снежный человек», «Бермудская зона», «Тайна Тунгусского метеорита»...

– Убедился? – усмехнулась Леокадия. Виталий ещё раз тяжело вздохнул, захлопнул папку и бросил её на свой стол:

– Съедят нас с тобой проклятые графоманы.

– Съедят, – рассеянно согласилась Леокадия. Она как раз начинала подкрашиваться. – То есть как съедят? – оторвалась от зеркала. – А что бы мы делали без таких графома-

нов? Или тебе за этим столом приходилось читать немеркнущие шедевры? То-то и оно. Графоманы – наш хлеб. Да за одну только эту рукопись можно, прикинула неподкрашенным глазом, – импортные сапожки купить. А ты говоришь.

– А за две таких – «Трёх мушкетеров» из макулатурного фонда.

– Можно и так, – Леокадия закончила туалет и прошлась по комнате. Остановилась у окна: внизу напротив, у входа в галантерейный магазин, быстро росла очередь. – Слушай, Витёк, там что-то дают. Так я побежала?

– Беги, – кивнул Виталий. Взял сигарету, подошёл и окну, открыл и отшатнулся – дул ветер с тракторного завода. Прикурил, выглянул. Очередь росла катастрофически быстро. Так, чего хорошего, и до обеда простоит. А вот и Леокадия. К счастью, в хвост очереди ей становиться не пришлось – ближе к голове стояла подруга. Вернулся к столу. Юген Миньярес. Имя-то какое – нарочно не придумаешь. Поздравил себя с новым графоманом. То, что графоман, причём графоман ещё тот, видно с первого взгляда. Писака погибче никогда не назовёт так прямо: «Гибель Атлантиды», «Йети, снежный человек», «Тайна озера Лох-Несс». Названия будут потоньше, например, «Гнев Посейдона», «Гималайские встречи». Очень мило. Хотя дело, конечно, не в названии – дело в том, что за названием. А за названием-то ничего и нет. Те же потуги убогой фантазии, рядом с которыми даже видения делирика покажутся высоким искусством. Те же «откро-

вения» о пришельцах в светящихся шлемах. Тот же рвотный коктейль из исторических и мифологических имен, реалий и событий, от которого специалиста хватит инфаркт, а просто образованному человеку станет дурно. Уже не говоря о грамматических ошибках в каждом третьем слове и синтаксических несуразностях в каждом втором периоде. И уже не упоминая даже о том, насколько это вторично, третично и далее. Да о чём разговор – если бы это зависело от Виталия, он давно бы распорядился не рассматривать фантастических произведений об Атлантиде, Бермудском треугольнике, йети и других подобных вещах – как физики не рассматривают работ изобретателей перпетуум мобиле. Но от Виталия это не зависело. А потому он вооружился терпением, сел за стол, подвинул папку и принялся за работу.

Читать всего не стал – кого на это хватит? Взял последний рассказ, заглянул в начало, в конец, развернул наугад. «Дальше других в этом направлении продвинулся профессор Крапка. Основываясь на многолетних наблюдениях, в своей монографии «Приходящие в полночь» он пишет...»

Сперва Виталий проскочил это место. Затормозил только потому, что последующая фраза оказалась попаданием в десятку. И только тогда, мысленно увидев фамилию «Крапка» латинскими литерами, узнал её.

Это уже было серьёзно. Даже очень серьёзно – работы профессора Крапки в этой стране никогда не переводились. Более того – Виталию было доподлинно известно, что само

это имя ещё никто никогда не писал славянским шрифтом. Даже там, где он жил, Крапку теперь никто не помнит. Сделано всё для того, чтобы его имени больше никто не вспомнил.

Затушил окурок, вынул новую сигарету, прикурил, откинулся на спинку кресла, закрыл папку, потом глаза.

Все они тычутся вслепую, пытался успокоить себя. Тычутся в стены, как слепые котята. Крапка тоже ткнулся вслепую. Однако ему повезло – или скорее не повезло. Там, куда он ткнулся, не оказалось стены.

Редактор «Хоррор мэгэзин», пропустивший в печать монографию профессора Крапки, был усирован. Тираж журнала – весь, до последнего экземпляра – изъят и уничтожен. Сам Крапка был подвергнут мощной нервовибрации. Вскоре, когда он спал за рулём в одном из майамских парков, к его машине подошли четверо. По внешнему виду их можно было принять за мафиози или сотрудников ФБР...

«Хоррор мэгэзин» – издание не настолько серьёзное, чтобы публикация в нём могла вызвать чрезвычайную ситуацию. За те тридцать шесть часов, которые прошли от момента выхода номера из печати до усаии последнего экземпляра, вряд ли кто обратил особое внимание на статью профессора Крапки. Тем более, что журнал специализируется на таких материалах – на фантастике ужасов. И всё же внимание, как видно, обратили. Хотя бы этот самый Миньярес, чёрт бы его побрал... Виталий пододвинул рукопись и начал читать

с первой станицы.

Уже после первых абзацев он понял, что дело даже куда серьезнее, чем можно было ожидать. Речь шла о вещах, о которых не мог знать никто из людей. Рассказ начинался описанием событий, имевших место миллион лет назад.

Тогда люди не знали ещё ни письменности, ни собственно речи. Вывод мог быть только один: тот, кто скрывается под именем «Юген Миньярес» – не человек...

Опомнился от дикого зуда в пальцах. Взглянул и отшатнулся – кожа сползала клочьями, из-под неё проступала лоснящаяся белая шерсть; аккуратно подстриженные ногти удлинялись и загибались в чёрные крючкообразные когти. Проклятие. При нервных перегрузках всегда рискуешь засветиться. Сконцентрировал волю на фиксации человеческой внешности. И вовремя: как только острые когти дзоу снова стали человеческими ногтями, в коридоре послышались каблучки Леокадии. Ещё успел заглянуть в зеркальце – и увидел лицо Виталия Петрова, правда, очень бледное. Этим обстоятельством и решил воспользоваться.

– Лица, – встал навстречу. – Я что-то очень скверно себя чувствую. Я посмотрю это всё дома, идёт?

– Что-нибудь серьёзное?

– Думаю, нет. Голова раскалывается. Выпью таблетку, отлежусь.

– Ладно. Только не вздумай болеть, а то оставишь меня наедине с ордами графоманов. Тогда уж точно съедят.

– Так я пошёл?

– Исчезни.

Значит Миньярес – не человек.

Но тогда кто? Дзоу?

Ещё менее вероятно. Дзоу не может быть писателем. Мы не способны схватить и зафиксировать внутреннюю связь. Мы не можем объяснить течения событий, которые не имеют видимых причин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.